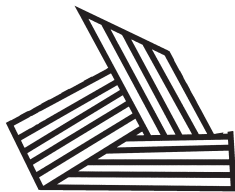

Школьная библиотека

Эдгар Аллан По

Колодец
и таятник

Рассказы

Харьков
«Фолио»
2018

МЕТЦЕНГЕРШТЕЙН

Pestis eram vivus — moriens
tua mors ero¹.

Мартин Лютер

Ужас и рок во все века блуждали по свету. Зачем поэтому обозначать время, к которому относится мой рассказ? Будет достаточно, если я скажу, что в глубине Венгрии существовала незыблемая, хотя и скрываемая, вера в учение о переселении душ. Я не стану распространяться о самом учении, т. е. о его ложности или вероятности, однако утверждаю, что очень значительная часть нашего недоверия, по выражению Лабрюйера, о всех наших несчастьях «vient de ne pouvoir être seule» (*происходит от того, что мы не можем оставаться одни*).

Однако в венгерском суеверии были некоторые пункты, которые быстро перерождались в нелепость. Они, т. е. венгры, расходились очень во многом с восточными авторитетами. Так, например: «Душа, — говорят первые (я привожу слова очень остроумного и умного парижанина), — живет только один раз в осязаемом теле, будь то лошадь, собака, даже человек, впрочем, разница между ними не так уж велика».

Фамилии Берлифитцинг и Метценгерштейн в продолжение многих столетий враждовали между собой. Не было,

¹ Чумой я был при жизни; умирая, стану твоей смертью (*лат.*).

кажется, примеров такого взаимного озлобления между двумя другими столь знаменитыми семьями. Происхождение такой вражды, по-видимому, находим у пророка: «Страшное падение постигнет высокое имя, когда, подобно всаднику над лошастью, смертность Метценгерштейна восторжествует над бессмертием Берлифитцинга».

Без сомнения, эти слова сами по себе или вовсе не имеют смысла или весьма мало, но известно, что и еще более незначительные причины влекли за собой — и не в давние времена — последствия столь же значительные. К тому же, владения, которые были смежными, долгое время соперничали за влияние на правительство в управлении страной. Кроме того, близкие соседи редко бывают друзьями, и обитатели замка Берлифитцинга могли смотреть со своих высоких башен прямо в окна дворца Метценгерштейнов. Более чем феодальное великолепие, открывавшееся при этом, конечно, вовсе не способствовало смягчению чувства раздражения в менее древних и богатых Берлифитцингах. Стоит ли удивляться, что слов пророчества, хотя и бессмысленных самих по себе, было достаточно, чтобы возбудить и сохранить вражду между двумя семьями, уже подготовленными к ссоре подстрекателями наследственного соперничества? Пророчество как будто предсказывало, если вообще предсказывало что-нибудь, окончательное торжество могущественнейшему дому и поэтому вспоминалось, конечно, с ожесточением более слабым и менее влиятельным.

Вильгельм, граф Берлифитцинг, несмотря на свое высокое происхождение, был во время моего рассказа большим дряхлым стариком, ничем не замечательным, кроме безграничной антипатии к семье своего соперника и такой страстной любви к лошадям и охоте, что ни болезнь, ни старость, ни умственная слабость не могли помешать

удержать его от ежедневного участия в опасных охотах. Фридрих же, барон Метценгерштейн, был еще несовершеннолетний. Отец его, министр Г., умер рано. Мать, баронесса Мария, сошла в могилу вскоре за ним. Фридриху в это время пошел восемнадцатый год. В городах восемнадцать лет еще не возраст, но в глуши, такой полной глуши, какую представляло из себя старое дворянское гнездо, удары маятника имеют более глубокое значение.

В силу некоторых обстоятельств, связанных с распоряжением отца, молодой барон вступил во владение своими богатыми поместьями тотчас по смерти родителя. Редко кто из венгерских дворян владел такими богатствами. Замкам барона не было числа; но главным по богатству и обширности считался замок Метценгерштейн. Границы его владений никогда не были точно определены, но главный парк имел пятьдесят миль в окружности. При известном характере молодого человека, получившего такое несметное наследство, почти не существовало сомнения в его будущем. И действительно, уже в первые три дня его подвиги превзошли ожидания его самых восторженных поклонников. Бесстыдный разгул, низкое предательство, неслыханные жестокости быстро показали трепещущим вассалам, что никакая рабская покорность с их стороны не в состоянии оградить их от когтей своенравного Калигулы, совершенно не знавшего совести. В ночь на четвертый день загорелись конюшни Берлифитцинга, и общее мнение внесло поджог в уже отвратительный список преступлений и гнусностей, совершенных молодым бароном.

Во время переполоха, вызванного этим происшествием, молодой человек сидел, по-видимому, погруженный в размышления в одной из больших пустынных зал родового дворца Метценгерштейна. На богатых, хотя и по-

блекших драпировках, утрюмо свешивавшихся со стены, были изображены туманные и величественные образы знаменитых предков молодого человека. Здесь — духовные особы в мантиях, богато опушенных горностаем, и в кардинальских шапках сидят рядом с властителями и суверенами, накладывают veto на желания земных королей или сдерживают именем папского всемогущества мятежный скипетр князя тьмы. Там — темные высокие фигуры князей Метценгерштейнских, топчущие конями тела павших врагов и способные своим свирепым видом подействовать на самые крепкие нервы. А еще дальше — роскошные лебединые фигуры дам давно прошедших времен, плывущие в призрачном танце под звуки воображаемой музыки.

Прислушиваясь или делая вид, что прислушивается к все возраставшему шуму в берлифитцингских конюшнях, или, может быть, обдумывая какую-нибудь новую, еще более дерзкую проделку, барон не отводил глаз от огромного коня диковинной масти, изображенного на обоях и принадлежавшего якобы сарацину — родоначальнику враждебного рода. Сам конь на переднем плане стоял неподвижно, подобно статуе, между тем как позади него выбитый из седла седок погибал от кинжала Метценгерштейна.

На губах Фридриха появилась злобная улыбка, когда он заметил, по какому направлению смотрели бессознательно его глаза. Однако он не отвел их. Притом он никак не мог отдать себе отчета в каком-то беспокойстве, охватившем его и сковавшем все его чувства. С трудом он мог согласовать свое полусонное, почти бессознательное состояние с уверенностью, что все это наяву. Но чем больше он смотрел, тем сильнее его охватывало очарование, тем невозможнее казалось ему оторвать когда-нибудь глаза от изображения. Между тем шум снаружи усиливался, и ба-

СОДЕРЖАНИЕ

Наброски к портрету. <i>Кира Шахова</i>	3
Метценгерштейн	35
Береника	45
Необыкновенное приключение некоего Ганса Пфаала	52
Трагическое положение. «Блэквудовская» статья <i>мисс Психеи Зенобии</i>	102
Вильям Вильсон	114
Низвержение в Мальстрем	137
Никогда не закладывай черту своей головы. <i>Сказка с моралью</i>	155
Преждевременное погребение	166
«Это ты!»	182
Разговор с мумией	198
Морэлла	217
Черт на колокольне	224
Поместье Арнгейм	234
Что случилось с господином Вальдемаром?	252
Рукопись, найденная в бутылке	263
Убийства на улице Морг	275
Похищенное письмо	305
Колодец и маятник	326
Золотой жук	344
Бес противоречия	385
Страницы из жизни знаменитости	393
Примечания. <i>Кира Шахова</i>	400